

7.2. Пихтинские голендры и их воображаемая родина

В подзаголовке раздела сознательно заложена перекличка с известной книгой Бенедикта Андерсона о воображаемых сообществах (Андерсон 2001). «Историческая родина» современных жителей Пихтинска представляет собой мыслительный конструкт, выступающий как минимум в двух вариантах. Если под этим выражением понимать «малую родину» основателей Пихтинска — бужские и волынские колонии, из которых они выехали в Сибирь в 1910-х гг., то сегодня этих поселений уже не существует, а потому их реальность относится к сфере воображаемого. Если вслед за бужскими голендрами, переселившись в 1940-е гг. в Германию, считать исторической родиной именно Германию⁴, то это значит вступать в область исторических построений, имеющих мало отношения к практической стороне жизни сегодняшних пихтинцев. Кроме того, существуют исторические нарративы, в которых роль исторической родины отводится Польше и Голландии. Однако ни один из этих вариантов не обладает окончательной убедительной силой для современных пихтинских голендров. Для них, в отличие от вершининских поляков, на современной политической карте не существует государства, которое бы они однозначно называли исторической родиной, а его жителей — своими «земляками» или «соотечественниками». Тем не менее можно говорить о неких представлениях по этому вопросу, а с недавних пор и контактах с представителями германских голендров. Рассмотрим эти моменты, а также различные варианты конструирования «воображаемой родины» подробнее.

Во время записи первых интервью с пихтинскими жителями в 1994 и 1997 гг. еще не было никаких публикаций по истории группы, а районный краеведческий музей только планировал организацию «пихтинских встреч». Проведенные тогда полевые исследования показали, что в коллективной памяти группы нет четкой информации о происхождении и далеком прошлом своих предков. Исторические нарративы относились к переселению в Сибирь и ко времени, которое непосредственно этому предшествовало. В рассказах людей старшего поколения иногда встречались фразы, отсылавшие к дореволюционным реалиям: например, употребление архаической формы «Рассея», противопоставление Сибири и России, где к последней относились и те территории, которые сегодня воспринимаются как ближнее зарубежье.

⁴ Подробнее о коллективной памяти бужских голендров в Германии см.: (Галеткина 2006). Однозначное мнение по поводу своей исторической родины представлено и на сайте членов Союза потомков Нейдорф-Нейброва (<http://www.bugholendry.de/>).

Мои родители с Рассеи приехали, с Гродненской губернии, с Брест-Литовского уезда. Сестры в Рассее еще родились, эти обе в Рассее, брат. А я — сибирячка. Нас здесь трое родилось, как приехали (ж., 1916, ПФ1-1994).

И: Я родился еще там, в России.

НГ: А где в России?

И: На Украине. В Волынской губернии (м., 1905, видеозапись 1998).

Ну, слышал, что приехали откуда-то, как называли, с Рассеи, а откуда? Ну, слышал, что возле Польши близко, через реку Буг. Это я знаю, это я даже после войны услышал. На той стороне Польша. А наши жили на этой стороне Буга-реки (м., 1924, ПФ2-1997).

Иногда люди называли конкретные деревни и уезды, иногда только губернии (Волынская, Гродненская, Люблинская), однако чаще всего говорили, что родители и деды приехали в Сибирь «с Волыни» или «с Буга». Реже встречались привязки места выхода переселенцев к Польше. В интервью с более молодыми людьми преобладали прилизанные формулировки типа «откуда-то с Волыни приехали».

Некоторые информанты упоминали о письмах, приходивших из Германии от родственников, но о причинах переселения в Германии мало что могли сказать.

И: А наши, вот эти, которые приехали, да и остались там много — голендры. Они. Их выслали к немцам туда всех, с Польши выслали наших. Еще до второй войны. Переселили в Германию почему-то всех оттуда. У моей старухи племянница была, письма еще писала сюда из Германии.

НГ: Может, они сами уехали или их выслали?

И: Я не пойму даже. Как будто их туда всех как-то переселили (м., 1914, ПФ2-1994).

И: А потом, когда вторая война началась, то там же перешурковали куда-то их. Я даже не знаю, как там, но найти не могли. А потом она прислала письмо, все ж таки знала, что где-то здесь дед был.

НГ: А откуда письмо то было — с Польши, Украины, Германии?

И: Ну, где они там были. Я точно не знаю. И всё, больше писем не стали писать (ж., 1920, ПФ3-1994).

Он тогда рад — не рад, собрался и поехал. А туда уже приехал, мы не знали и потеряли их. А потом с Харагуна, там у нас дядька один знакомый, с наших же людей, он стал писать в Москву куда-то и надыбал, что они в Германии. И вот они оттуда прислали письмо. А тогда же запрещалось. Папа-то сразу отказался писать письма, потому что папа-то был в трудармии. <...> Я взяла адрес и писала, пока папа не знал, что пишу. До 61-го года я всё писала им письма, фотографии отправляла Броне (ж., 1939, ПФ3-1997).

В интервью, записанных в 2005 г., было меньше деталей и чаще встречалась обобщающая фраза «приехали с Волыни». В нескольких случаях прозвучали ссылки на публикации в научно-популярных журналах, которые имелись к тому времени в пихтинских домах. Именно из тех же публикаций многие пихтинцы узнали о судьбе оставшихся на Буге и на Волыни: о том, что в 1940 г., после того как колонии бужских голендров вошли в пограничную зону, образованную советским и германским руководством, большинство их жителей добровольно переселились в Германию. Часть оставшихся колонистов немного погодя была депортирована советской властью в неизвестном направлении, часть разъехалась по другим регионам. От бывших голендерских колоний, откуда приехали предки пихтинцев, на сегодняшний день практически ничего не осталось⁵.

Личных контактов с земляками, оставшимися на прежней родине, а затем оказавшимися в Германии, практически не было. Та редкая переписка, которая установилась между несколькими семьями, была делом трудным и опасным. С одной стороны, существовал страх усугубить этой перепиской свое положение как людей ненадежных (вследствие приписывания их к немцам и опыта трудовой армии)⁶. С другой стороны, найти уехавших из Волыни на новом месте было довольно сложно. Прежняя компактность проживания была нарушена. Бужские голендры оказались разбросаны по всей территории Германии, а кто-то оттуда вскоре эмигрировал в Канаду и США.

В 1990-е гг. общественная ситуация изменилась: теперь и за границу стало легче выехать, и наличие родственников за рубежом не вызывало подозрения в измене. Тем не менее восстановление разорванных связей с родственниками и земляками, подобно тому как это происходило в Вершине, в Пихтинске не наблюдалось. Мне известны лишь два случая поездок уроженцев Пихтинска в Германию в конце 1990-х гг.

Лишь в июне 2004 г. в Пихтинске впервые появляются представители бужских голендров, живущих сегодня в Германии. Ими были братья Эдвард и Вальдемар Бютовы из г. Шверина. Эдвард Бютов родился в 1932 г. в колонии Замостече на Западном Буге и в 1940 г. вместе с родителями переселился в Восточную Германию. Ко времени поездки в Пихтинск он уже много лет занимался сбором и публикацией сведений по истории бужских голендров.

⁵ Подробнее об истории колоний и о том, как выглядит сегодня территория, где они находились, см.: <http://www.neubrow.domachevo.com> — интернет-проект на портале г. п. Домачево, Республика Беларусь.

⁶ «Сказывалось еще долго на нашей жизни то, что нас считали немцами. Люди боялись поддерживать связи с родственниками за границей, боялись ворошить прошлое» (Зелент 2004: 94).

В рамках проводимых им исследований Э. Бютов в 1998 и 2003 гг. совершил поездки в Польшу и Украину, где посетил места бывших голлендерских колоний. Его сибирская поездка была организована при поддержке исторического общества «Волынь», с которым Э. Бютов сотрудничал с начала 1990-х гг. Эта общественная организация, центральный офис которой находится в г. Вюрцбург, объединяет волынских немцев, к числу которых относят себя и многие бужские голендры, живущие сегодня в Германии, в том числе и братья Бютовы⁷.

О цели и результатах своей поездки в Пихтинск Э. Бютов рассказал в интервью следующее:

Я приехал сюда, чтобы встретиться и познакомиться с нашими земляками, бужскими голендрами, узнать больше об их жизни здесь. <...> То, что я узнал и получил в ходе этой поездки, гораздо больше того, что я ожидал. Я не думал, например, что найду здесь тех людей, имена которых мне уже были известны из других источников. <...> Не рассчитывал я и на то, что мы найдем здесь своих родственников в третьем поколении. Мы встретились, поговорили и теперь будем поддерживать эти появившиеся контакты. <...> Есть наши голендры в Канаде, в США, в Голландии, Франции. А теперь вот у нас появились контакты и с нашими земляками из Сибири, которые мы обязательно будем поддерживать. Это интересно для меня самого и будет также интересно для наших людей здесь и там. Наша поездка, думаю, поможет нашим голендрам здесь — им самим, их детям и внукам — сказать, откуда они приехали, кем они были, как они будут жить (Интервью с Бютовым 2004: 110–111; 115).

Стремление объяснить своим землякам как в Германии, так теперь и в Сибири, что «на самом деле они — немцы», Эдвард Бютов рассматривает как одну из главных мотиваций своей деятельности. Сопровождая Бютова в поездке в Пихтинск, я могла лично наблюдать этот чуть ли не миссионерский настрой, проявлявшийся в его общении с «земляками».

Говоря о реакции на свою первую книгу в Германии, он рассказал, что многие люди выражали ему свою благодарность.

Мне люди пишут: «Теперь мы знаем, кто мы есть и откуда мы приехали. Мы были немцами даже лучшими, чем эти, которые нас называли поляками или русаками». Для них все это имеет большое значение. Вы знаете, ведь когда они переселились в 1940 году в Германию, они почти не умели говорить по-немецки, у них была иная культура. Поначалу трудно было (Там же: 114).

---

⁷ См.: <http://historischerverein.wolhynien.de>

Отношение жителей Пихтинска к братьям Бютовым было двойственным. С одной стороны, их воспринимали как «немцев из Германии», т. е. «чужих». С другой стороны, к ним относились как к «своим», поскольку родом они были из тех же бужских голендров, к которым принадлежали основатели Пихтинска. Конечно, в первую очередь они стали «своими» для родственников, которые обнаружились в Пихтинске во время этой поездки. Установившиеся контакты поддерживались через переписку, и через несколько лет Бютовы снова приехали в Пихтинск на 100-летний юбилей деревни.

На сегодняшний день контакты жителей Пихтинска с бужскими голендрами из Германии нельзя назвать частыми и интенсивными. Но сам факт их установления может означать появление новой тенденции. С укреплением уже существующих связей и с расширением круга знакомств, возможно, именно Германия будет все больше ассоциироваться с местом проживания «земляков», поскольку волынских поселений давно нет, как нет и контактов с голендрами, живущими в Польше, Голландии, США и Канаде. Германские голендры позиционируют себя в качестве волынских немцев, т. е. как специфическую, но все же неотъемлемую часть немецкого народа⁸. До последнего времени причисление пихтинцев к немцам вызывало у них отторжение. Однако можно предположить, что укрепление связей с германскими родственниками и земляками снизит остроту этой негативной реакции. К тому же с уходом из жизни непосредственных участников трудовой армии сглаживаются и воспоминания о травматическом опыте, связанном с немецкой идентификацией пихтинских голендров. Так что именно Германия имеет наибольшие шансы стать в будущем «вновь обретенной исторической родиной».

Впрочем, можно предположить и другой сценарий: например, появление в Пихтинске потомков бужских голендров, проживающих сегодня в Польше и, возможно, ощущающих себя в большей степени поляками, чем немцами⁹. Такое гипотетическое взаимодействие с ними имеет все основания для укрепления польской составляющей в групповой идентичности жителей Пихтинска. На первый план при этом могло бы выйти использование польского языка в религиозно-обрядовой сфере и наличие воспоминаний о прежней родине «в Польше».

⁸ Подробнее об этом см.: (Галеткина 2003; 2006).

⁹ На территории Польши, неподалеку от польско-белорусской границы и места расположения прежних колоний, откуда приехали основатели Пихтинска, до сих пор существует компактное поселение бужских голендров Славатыче. Вполне вероятно, что между его жителями и пихтинцами также могут обнаружиться какие-то родственные связи.

Эдвард и Вальдемар Бютовы в гостях у Зои Михайловны
и Ивана Михайловича Людвиг. Средний Пихтинск. 2004 г.
Фото из архива автора.

Ситуация с Пихтинском уникальна тем, что местному сообществу присуще смешение различных культурных черт. При желании можно подчеркивать какую-то одну из них и игнорировать все остальные. Характерный пример — обращение Генерального консула Республики Польша в Иркутске Эдварда Денкевича к читателям иркутского научно-популярного журнала «Тальцы», номер которого был посвящен деревне Вершина. Здесь, по сути, Пихтинск и Вершина ставятся в один ряд как примеры сохранения польской культуры в Сибири. Консул Денкевич пишет: «Это уже второй номер журнала, все страницы которого содержат материал о польской культуре в Сибири. Один из предыдущих журналов „Тальцы“, № 4(23) 2004 года, был посвящен уникальной этнической группе так называемых голендров, которые проживают в трех деревнях Иркутской области: Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник. Жители этих деревень до сегодняшнего дня бережно сохраняют польскую культуру, польские традиции и обычаи, в том числе и в деревенской архитектуре. <...> Голендры являются сельской общностью, переселившейся в Сибирь со знанием архитектурного строительства, характерного для тех районов Польши, которые они ранее заселяли. Село Вершина и деревни голендров — яркий пример многообразия культуры Сибири. <...> Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске благодарит коллектив музея... за внимание и интерес к объектам польской культуры, за сохранение памяти о вкладе польской культуры в развитие Сибири» (Денкевич 2005: 3).

В данном случае подчеркиваются архитектурно-строительные традиции, сближающие пихтинцев с польской культурой. В другой ситуации подобным идентификационным маркером может стать язык повседневного общения, «немецкие» фамилии, «голландское» название и т. д.

Кстати сказать, восприятие в качестве «исторической родины» Голландии может оказаться вполне реальным вариантом развития ситуации. Схемы передвижения голендров из Голландии в Польшу и книга голландского журналиста Барта Рийса «Небесное Отечество. Голландцы в Сибири» уже занимают видное место в экспозиции местного музея.

Книга Б. Рийса была опубликована в 2005 г. в Амстердаме (Rijs 2005), а сообщение об этом вскоре появилось на иркутском региональном интернет-портале «Бабр» под характерным заголовком «Вышла в свет книга об иркутских голландцах». В заметке говорилось: «Недавно вышла в свет книга „Небесное Отечество. Голландцы в Сибири“ международного журналиста Бартоломео Райса о наших земляках и его соотечественниках-голендрах, проживающих в поселке Пихтинск (Заларинский район). 360-страничная книга, изданная в Амстердаме, написана на языке исторической родины голендр — голландском. В настоящее время краеведческий музей поселка занят поисками переводчика книги на русский язык» (Вышла в свет книга 2006).

Вопрос о переводе книги с голландского на русский язык стал обсуждаться пихтинскими активистами после того, как Б. Рийс прислал в Пихтинск и Иркутск несколько экземпляров издания. Вполне возможно, что подобная мера станет для них еще одним средством преодоления неопределенности в вопросе этнической идентификации. Тем более что голландская версия происхождения имеет неоспоримые преимущества перед немецкой хотя бы потому, что не несет коннотаций с трудовой армией и оскорблениями «немцы-фашисты», которым на протяжении долгого времени подвергались жители Пихтинска со стороны жителей соседних деревень.

Обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть принципиальную разницу между теми значениями, которые имеет фактор исторической родины в Вершине и в Пихтинске для процесса групповой идентификации.

Контакты с Польшей, которая однозначно воспринимается вершининскими поляками как историческая родина, играют существенную роль в актуализации их «польскости». Приезжающие из Польши поляки являются основной референтной группой, на сравнении с которой и на основании оценок которой происходит кристаллизация их этнической идентичности.

Для жителей же Пихтинска родина отцов и дедов скрывается за неопределенными и этнически не маркированными представлениями

о Волыни и Буге. Мало кто может отождествить место исхода своих предков в Сибирь с конкретным современным государством, тем более что поселений, откуда выехали их предки, сегодня не существует, а жившие в них до войны люди переселились в 1940 г. в Германию. Однако Германия, как и Голландия с Польшей, не занимает в коллективной памяти людей места исторической родины. Таким образом, ситуация с исторической родиной способствует закреплению неопределенности в этнической самоидентификации группы. Этнические активисты демонстрируют стремление преодолеть эту неопределенность, пытаясь поставить точки над *i* в вопросах происхождения и истории группы бужских голендров. Однако говорить, что эти интенции отражают общую динамику процессов групповой идентификации, пока рано.